

КНИГА О ЖИЗНИ СТОЛИЦЫ ОБЪЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА БОГАТЫХ И БЕДНЫХ

В 1876 году парижское издательство «Hachette et Cie» выпустило книгу «Лондон», на титульном листе которой рядом с прославленным именем Гюстава Доре (1832–1883) стояло имя известного французского писателя и журналиста Луи Эно (1824–1900). Но прежде чем рассказать о том, кто такой Луи Эно и почему именно он стал соавтором Доре, необходимо вернуться на несколько лет назад и перенестись в Англию.

Считается, что идея книги родилась у английского журналиста Уильяма Бланшара Джерролда (Blanchard Jerrold; 1826–1884), которого вдохновил трехтомный альбом «Microcosm of London», изданный крупным издателем Рудольфом Аккерманом в 1808–1811 гг.¹ Джерролд понимал, что за прошедшие шестьдесят лет Лондон в результате бурного экономического развития изменился во всех отношениях, и, как журналист, мечтал запечатлеть новый облик города — города, который в ту пору восхищал, поражал, ужасал и казался будущим всего человечества.

Как корреспондент английской газеты «Daily News», Джерролд много лет работал в Париже и в 1855 году познакомился с Гюставом Доре: они вместе делали для лондонской газеты «The Illustrated News» репортаж о визите королевы Виктории во Францию — Джерролд писал, Доре рисовал.

В 1867 году, после выхода Библии с иллюстрациями Доре, в Лондоне прошла персональная выставка французского худож-

¹ Текст к первым двум томам написал Уильям Пайн, к третьему — Уильям Комб. Над иллюстрациями — ста четырьмя цветными гравюрами-акватинтами — работали художники Уильям Пайн, Томас Роуналдсон и Огастес Пьюджин.

ника, которая имела ошеломляющий успех, а в 1869 году Доре — уже знаменитый и всеми любимый — приехал в Лондон на открытие галереи «Doré Gallery» (Нью-Бонд-стрит), которую лондонские поклонники создали исключительно ради демонстрации его работ (в 1917 году здание галереи было продано аукционному дому «Сотбис»). Джерролд воспользовался благоприятным моментом и предложил Доре сделать книгу о Лондоне и его жителях, справедливо полагая, что подобная книга с иллюстрациями знаменитого художника никого не оставит равнодушным. Эта идея по духу своему была близка Доре, который уже обладал сходным опытом: в 1855 году он написал серию полотен большого формата на тему «Париж, как он есть», которую Джерролд прекрасно знал, ибо именно тогда подружился с художником.

Джерролд к тому времени уже приобрел известность не только как журналист, но и как драматург и писатель, при этом с 1857 года и до самой смерти являлся главным редактором газеты «Lloyd's Weekly Newspaper» — одной из первых воскресных газет Англии.

Джерролд становится проводником Доре по лондонским «джунглям», и эта роль ему нравится: он чувствует себя первопроходцем и первооткрывателем, по-новому видит родной город и одну за другой раскрывает его тайны. Доре одновременно очарован и потрясен контрастами огромного города: фантастическим блеском его богатства и невиданной нищетою. Недостатка в заказах художник не испытывал, наоборот, каждый автор мечтал, чтобы он проиллюстрировал его книгу, и каждый издатель, публиковавший книгу, стремился выпустить ее с иллюстрациями Доре. Но Лондон увлекает французского художника, и в итоге он соглашается подписать с английским издательством «Grant & Co» четырехлетний контракт, по которому обязуется проводить в Лондоне не менее трех месяцев в году. Он получает аванс в 10 тысяч фунтов стерлингов на первый год и, отложив все прочие заказы, берется за работу.

Доре и Джерролд обходят весь Лондон, в особо опасных кварталах их сопровождают полицейские, иногда к ним присоединяются священник и топограф. Они бродят по городу днем и ночью, и художник чувствует себя новым Данте, спускающимся в ад. В биографии Доре Джерролд рассказывает, что они провели две ночи в Уайтчепеле — беднейшем и самом страшном районе Лон-

дона, облазили доки, ночлежки и притоны, проплыли по Темзе на барже, два дня провели в театре Друри-Лейн, посетили Ньюгейтскую тюрьму, побывали на скачках в Эпсоме и на лодочных гонках, пообедали со студентами Оксфорда и Кембриджа, погуляли в Гайд-парке, в общем, как позже сказал Джерролд: «Я провел Доре через тени и свет огромного мира по имени Лондон». «Мы делаем великое дело», — вновь и вновь повторял художник.

Тут надо вспомнить, что Доре обладал феноменальной зрительной памятью и редко делал зарисовки. Подобно фотографу, который, вернувшись домой, проявляет и печатает сделанные за день снимки, Доре начинал рисовать только на свежую голову прямо на досках в специально оборудованной под эти цели мастерской. Затем над его рисунками трудилась целая бригада граверов.

Работа над книгой прервалась из-за начавшейся в июле 1870 года Франко-прусской войны. Родной город Доре — Страсбург — был захвачен немцами, художник поспешил во Францию и вступил в Национальную гвардию, созданную для обороны осажденного Парижа. Он борется за свободу не только как солдат, но и как художник: в этот период он создает серию обличающих антинародное правительство сатирических рисунков «Версаль и Париж в 1871 году», которая была опубликована только через тридцать шесть лет. Затем Доре возвращается в Англию, где в течение полугода заканчивает работу над иллюстрациями к книге Джерролда, навещаясь в случае необходимости в тот или иной уголок Лондона. Книга, которая вышла уже в 1872 году под названием «Лондон: паломничество», включала 191 страницу текста, 55 гравюр на полную страницу и 125 иллюстраций меньшего размера и виньеток, а также предисловие, введение и 21 главу. Она имела успех и у читателей, и у почитателей Доре. Зато официальная критика приняла ее в штыки: писателя обвиняли в очернительстве, а Доре — в том, что он «больше выдумывал, чем подсматривал», что в его Лондоне «теней» больше, чем «света». «Westminster review» заявила, что «Доре предлагает нам карикатуры, в которых отражает лишь самые грубые и вульгарные внешние детали».

Кроме того, многие замечали расхождение между страстным тоном Джерролда и спокойной, объективной манерой Доре: там, где писатель описывает закоренелого преступника, художник рисует бедного, но улыбающегося горемыку... Добавим, что там, где

Джерролд кричит и возмущается, Доре либо проникается сочувствием и даже уважением к своим персонажам, либо относится к ним с мягкой иронией.

Критики наших дней, отдавая должное огромной работе, проделанной Джерролдом, отмечают, что текст книги больше говорит о его собственном мировоззрении и взглядах, чем о том, что он описывал, тогда как иллюстрации Доре повествуют о Лондоне, а не о самом художнике в 1872 году¹. И потому со временем насыщенная и многословная проза Джерролда во многом утратила свое воздействие, а черно-белые гравюры Доре приобрели еще большую ценность — и художественную, и историческую.

О том, насколько глубоко Доре проникал в суть того, что видел, свидетельствует сам Джерролд. «Когда мы посетили тюрьму Ньюгейт, Доре попросил тюремщика, сопровождавшего нас, оставить его на несколько минут у окна, через которое был виден двор с бродящими по кругу заключенными. Когда мы вернулись к нему, то увидели, что он не рисовал, но глаза его вбирали каждую деталь сцены. „Я скажу вам, — обратился Доре к тюремщику, — что представляет собой каждый из этих людей“. И он указал вора, поддельвателя документов, грабителя с большой дороги, взломщика. Тюремщик поразился, ибо художник точно угадал „ремесло“ каждого из его подопечных».

Заметим в скобках, что результатом этих наблюдений стала гравюра «Тюремный двор» (с. 285 наст. изд.), которая до такой степени потрясла Ван Гога, назвавшего Доре «народным художником», что он написал картину — живописную копию этой гравюры — и на первом плане, в кольце идущих по кругу заключенных, изобразил самого себя.

В общем, неудивительно, что в прошлом веке некоторые издатели выпускали альбомы с иллюстрациями Доре к книге «Лондон: паломничество» без текста Джерролда. Хотя нельзя не признать, что в свое время он все же сыграл определенную роль: подобно первопроходцу, описав лондонское дно, Джерролд открыл добропорядочным лондонцам глаза на то, что творится у них под боком, и голос писателя, соединившись с голосами Диккенса, Мейхью, Дизраэли, Гюго, Маркса, Энгельса и других, прозвучал

¹ См.: *Antoine Capet*. London: A Pilgrimage de Blanchard Jerrold et Gustave Doré. — Cercles. 2000. № 1. P. 43–47.

не напрасно: в 1878 году образовалась Армия спасения, а к концу двадцатого столетия Британия справилась с массовой нищетой и преступностью — болезнью, которую Джерролд называл неизлечимой.

Джерролд умер, работая над биографией Доре, которая вышла в 1891 году (London, W. H. Allen) под названием «Life of Gustave Doré» («Жизнь Гюстава Доре»). В эту книгу были включены сто тридцать восемь рисунков французского художника.

Сразу после выхода книги «Лондон: паломничество» Доре предложил парижскому издательству «Hachette et Cie» выпустить аналогичную книгу о Лондоне на французском языке и поручить перевод Луи Эно — журналисту, писателю, путешественнику и полиглоту, который объездил полмира и много раз бывал в Англии, Шотландия, Германия, Ближний Восток, Северная Европа — вот неполный перечень стран, по которым он путешествовал. В результате поездок рождались книги: «Прогулки по Бельгии и берегам Рейна» (1852), «Святая земля, путешествие четырех паломников в 1853 году» (1854), «Константинополь и Турция, картина Оттоманской империи» (1855), «Путешествие в Лапландию и Норвегию» (1857), «Англия, Шотландия, Ирландия, живописное путешествие» (1859), «Средиземное море, его острова и берега» (1863), «Центральная и Южная Америка» (1866) и другие.

Помимо этого перу Эно принадлежали романы, повести и рассказы, среди которых особую известность завоевали романтические и сентиментальные истории «Кристина» (1858), «Надеж» (1859), «Альба» (1860) и эпистолярный роман «Эрмина» (1860). Все эти книги много раз переиздавались на протяжении всего девятнадцатого столетия и продолжают выходить до сих пор.

Луи Эно родился в городе Изиньи (провинция Кальвадос), окончил факультет права и филологии университета города Кана (столицы Кальвадоса и Нижней Нормандии), защитил дипломную работу об Эсхиле, переехал в Париж и начал карьеру журналиста в газете «Chronique de Paris», где публиковались его «полные тепла и жизни»¹ отчеты о ежегодных художественных выставках — салонах 1852 и 1853 годов. Эти работы сразу же

¹ См.: *H. de Villemessant. Mémoires d'un journaliste. A travel's le Figaro / P.: E. Dentu. 1873. P. 50.*

снискали ему заслуженный успех. Затем Ипполит де Вильмессан приглашает его к сотрудничеству в своей новой еженедельной газете «Le Figaro». Эно публикует портреты современников — его слог деликатен, тонок, почти женственен¹. Он пишет о разных странах: один из номеров «Le Figaro» под названием «Восток» был полностью написан им одним. Он добивается успеха благодаря своему обаянию и остроумию, читательницы становятся его поклонницами, а вслед за ними и их мужья². Одаренный необыкновенной энергией, он легко справлялся с любой работой; он говорил на одиннадцати языках (французы до сих пор читают «Хижину дяди Тома» и «Страдания юного Вертера» в его переводах);

¹ Эно считался мастером описаний. Коллега Эно, известный журналист и писатель-сатирик Орельен Шолл (Sholl, 1833–1902), изобразил диалог между Адольфом Жаиффом (ученым и автором научно-популярных статей) и Луи Эно в одной из своих зарисовок («La Foire aux artistes. Messieurs de la cravate blanche». 1858):

«Жа и фф. Скажите, пожалуйста, какие науки используются для описаний?»

Луи Эно. Ботаника, зоология, минералогия и школа микродеталей.

Жа и фф. Приведите примеры.

Эно. Портрет девушки. Ботаника: Маргарита была белой и чистой, как лилия, распустившаяся на рассвете. Она смотрела на мир голубыми, как колокольчики, глазами, ее пышные волосы пахли, словно грозди белой акации, а губы были свежи, будто красные маки в капельках росы. Добавить стебелек и тычинки, и портрет будет полным.

Жа и фф. Зоология?

Эно. Используя знания в области зоологии, мы опишем Леониду стройной как газель, с голосом соловья, тигриной грацией и зачаровывающим, как у змеи, взглядом. Минералогия позволит сказать, что Злата обладала жемчужными зубами, коралловыми губами, глазами цвета яшмы и белой, как алебастр, шеей. Она сверкала, подобно алмазу, там, куда ее забросила судьба, и рядом с ней вы забывали о всех сокровищах Голконды и Алмадена.

Жа и фф. Переходите к школе микродеталей.

Эно. В пятницу 13 октября 1831 года Марии-Терезии-Анжеле де Шатонеф исполнилось семнадцать лет три месяца и одиннадцать дней. Белизна ее кожи нарушалась едва заметным пятнышком чуть-чуть выше левого виска. Все ее волосы были черными, за исключением одного рыжеватого волоска, который не ускользал от взгляда наблюдателя, и т. п...»

² *Иб.* Р. 51.

он вращался в обществе художников и писателей, был завсегдатаем светских гостиных. Параллельно с работой в «Le Figaro» Луи Эно сотрудничал с иллюстрированными журналами «La vie à la campagne» (Франция), «L'Illustration» и «Le Nord» (Бельгия), газетами «Le Constitutionnel» (Франция) и «La Gazette de France» (Франция). Он очаровал императрицу Евгению, а Наполеон III, прочитав его статьи о Константинополе и средиземноморских островах, не только пожелал познакомиться с писателем, но и наградил его крестом ордена Почетного легиона.

Обладая прекрасной памятью, Эно изобрел собственный метод изучения иностранного языка: он составил словарь из четырехсот слов и выражений, необходимых каждому человеку, оказавшемуся в чужой стране, и, собираясь в очередное путешествие, в течение недели заучивал их. В дороге он пополнял свой словарный запас, а находясь в стране, совершенствовал произношение.

Щеголеватый, изящный, подчеркнуто вежливый — таким его описывают современники. Сохранилось несколько портретов Эно — художники любили рисовать этого красивого мужчину с пышной копной вьющихся волос, ухоженной бородкой, лихо закрученными усами, тонкими чертами и серьезными, вдумчивыми глазами.

«Эно можно было бы упрекнуть, — заключает Ипполит Вильмессан, — только в том, что он слишком много времени отдает публицистике. Если бы он не писал для всех газет, которые обращаются к нему за содействием, а научился выдавать свою прозу маленькими порциями, то, вне всякого сомнения, поднялся бы в литературе на место еще более высокое, чем то, которое он занимает и которое, несмотря ни на что, является весьма завидным»¹.

Заклучив договор с издательством на подготовку французского варианта книги «Лондон: паломничество», Эно быстро справился с поставленной задачей, но то, что вышло из-под его пера, нельзя назвать ни переводом, ни пересказом. Опираясь на книгу Джерролда, Эно пишет текст, сопровождающий иллюстрации Доре, для французов, причем для французов обеспеченных, поскольку с самого начала предполагалось, что парижское издание

¹ *Иб.* P. 59.

будет дорогим¹. Он меняет структуру и уплотняет текст: теперь в ней восемнадцать глав и короткий эпилог. С согласия Доре он соответственно упорядочивает и иллюстрации, сократив их число до 174 (в основном за счет виньеток), но упомянув одну из них («Темза-батюшка») в первой главе книги.

Вместе с языком поменялись и стиль, и тональность текста, и название книги: «Лондон: паломничество» превратилось просто в «Лондон»². И если книгу Джерролда можно назвать репортажем о жизни Лондона, то книга Эно — это путевые заметки, жанр, которым французский писатель владел в совершенстве. Джерролд погружается в жизнь Лондона со всеми ее проблемами, а Эно почти все время сохраняет позицию стороннего наблюдателя и изучает столицу Соединенного Королевства как иностранец, или, говоря языком современным, как турист: порой он сравнивает Лондон с Парижем, порой с другими столицами, денежные суммы, как правило, переводит во франки и, очень методично описывая все лондонские достопримечательности, добавляет пояснения, которых не было в английском издании. Он восхищается тем, чем можно восхищаться, и ужасается тому, что вызывает ужас и возмущение, но рассказывает обо всем лаконично и просто, иногда даже наивно, а в целом очень благожелательно. Он как бы следует за Джерролдом и Доре, но смотрит на Лондон все-таки своими глазами и видит то, на что англичанин в силу привычки не обращает внимания. Некоторые фрагменты его книги напоминают настоящий путеводитель по музеям и соборам (главы «Храмы», «Дворцы», «Музеи и собрания»), некоторые — живые рассказы о нравах лондонцев (главы «Лошади», «Жокей», «Дерби», «Сезон») или даже репортажи с места событий (рассказ о вступлении в должность лорд-мэра, об открытии музея Бетнал-Грин в главе «Музеи и собрания», глава «Лодочные гонки»).

¹ Книга Луи Эно с иллюстрациями Гюстава Доре «Лондон» вышла в дорогом кожаном переплете темно-зеленого цвета и с золотым тиснением на обложке, в котором гравер Огюст Суз соединил герб Лондона, его девиз «Domine Dirige Nos» («Господи, направляй нас») и различные морские атрибуты, указывавшие на Лондон как на столицу империи и морской державы.

² В 1984 году парижское издательство «Sacelp» выпустило книгу Эно и Доре под названием «Лондон и лондонцы в 1875 году».

Луи Эно признается: «В ходе этого смелого предприятия мы не раз ощущали, что задача превосходит наши возможности, и теперь, несмотря на приложенные усилия и старание, мы лучше кого бы то ни было понимаем, до какой степени несовершенно это сочинение. Впрочем, мы с самого начала сознавали, что оно будет неполным. Нельзя одной книгой объять необъятное, как нельзя ковшом вычерпать море». Не стоит воспринимать его слова как кокетство: к семидесятым годам девятнадцатого столетия Лондон действительно поражал своими масштабами и размахом — с начала века его население выросло от одного до пяти миллионов человек, и каждые восемь минут один человек умирал, и каждые пять минут рождался один ребенок. В городе насчитывалось сорок тысяч торговцев фруктами и рыбой, сто тысяч бездомных, в нем проживало больше ирландцев, чем в Дублине, и больше католиков, чем в Риме. Здесь было двадцать тысяч пабов на пятьсот тысяч мест и полмиллиона жилых домов. В Лондоне работала целая армия клерков и бухгалтеров, и, как писал Джерролд, «лондонских стариков, сирот, хромых и слепцов хватит, чтобы населить город обычных размеров». Конечно, осветить все стороны жизни такого города в одной книге было невозможно. И потому вслед за писателями XVIII и XIX веков, которые посвящали британской столице свои труды, о ней продолжают писать и в наши дни¹. И многие авторы включают в свои книги по истории Лондона те или иные иллюстрации Доре как бесценные и неоспоримые свидетельства гениального очевидца.

В итоге у Эно получился текст, который, не слишком задевая самолюбие соседей, отвечал интересам его соотечественников и в достаточно полной мере комментировал иллюстрации Доре. В силу этого книга Эно была благосклонно встречена критикой и при этом чудесным образом не устарела: современные читатели могут как почерпнуть из его работы вполне актуальные сведения, поскольку многое в Лондоне сохранилось до наших дней, так и сравнить Лондон викторианский с Лондоном XXI века. К тому же им дана удивительная привилегия: читая увлекательную книгу, рассматривая потрясающие гравюры, они видят Лондон нача-

¹ См., например: Акройд П. Биография Лондона; Темза. Священная река.

ла 1870-х годов с расстояния в сто сорок лет и потому имеют возможность не только окунуться в бурную и разнообразную жизнь огромного викторианского города, но и оценить прогнозы Джерролда, Эно и Доре.

Что ж, в главном они оказались правы: не прошло и ста лет, как Британская империя распалась и, пережив немало трудностей, утратила власть и над всеми своими заморскими территориями, и над большей частью Ирландии, но Англия и Лондон стоят и простоят еще много веков, в частности и потому, что, несмотря на проблемы, присущие всем развитым странам и крупным городам, обладают, как говорится в эпилоге к этой книге, «главными качествами, которые обеспечивают народу долгую жизнь: здравомыслием во всем, рассудительностью и практицизмом, любовью к прошлому и привязанностью к традициям в сочетании со стремлением к развитию; уважением прав и законов и тем благородным чувством сострадания... которое не позволяет остаться в стороне от чужой беды и заставляет при виде зла немедленно стремиться к его искоренению», а также верой в Бога, которая защищает и сохраняет все лучшее, что есть в душе страны.

Таковыми увидели английский народ авторы этой необычной книги. Возможно, в чем-то они его приукрасили, в чем-то ему польстили, но бережного отношения к традициям отрицать нельзя: так же как и полтора века назад, каждое утро гарцуют по Гайд-парку наездники, ежегодно проводятся скачки в Дерби и лодочные состязания между студентами Оксфорда и Кембриджа, каждый вечер проходит церемония закрытия Тауэра, даются спектакли в Ковент-Гардене и концерты в Альберт-Холле, скверы на площадях остаются доступны только для жителей соседних домов, а питейные заведения не испытывают недостатка в посетителях. Пивоварни варят пиво, и его развозят по местным пабам на тех самых огромных лошадях, которые с таким восхищением описаны в главе «Пивоварни». Кипит работа в доках, бурлит деловая жизнь в Сити, улицы запружены транспортом, город разрастается и по-прежнему привлекает толпы туристов и говорящих на плохом английском эмигрантов.

Е. Трынкина

ЛОНДОН

Благодаря частым и продолжительным поездкам в Лондон нам удалось погрузиться в жизнь столицы Соединенного Королевства. Снова и снова изучая многоликий и переменчивый ее характер, мы постигли его противоречивость и проникли в его тайны. И, несмотря на это, сомнения и нерешительность овладели нами, когда, взяв в руки перо, дабы написать первую страницу книги под названием «Лондон», мы осознали величие и сложность задачи. Удручающе очевидной стала невозможность охватить всё и вся, а вслед за ней родилась уверенность в том,

Лондон в Средние века

что картина получится неполной. Да, мы многое повидали, но можно ли ручаться, что мы всё видели, всё запомнили и обо всем рассказали? Нам предстоит воскресить в памяти и показать читателям не один город, а несколько городов в одном или, лучше сказать, целый мир — мир, где соприкасаются разные крайности и излишества, где вас ослепляет чудо высочайшей цивилизации и удручает такая душераздирающая и беспросветная нищета, какой не встретишь даже в самых отсталых странах. Здесь соседствуют, никогда не пересекаясь, аристократия высочайшей пробы и чернь самая низкая и отвратительная; сокровища, на которые можно купить десятка два королевств, и тысячи умирающих с голода пролетариев; обширные кварталы, где каждый особняк похож на утопающий в зелени садов дворец, выстроенный на границе великолепных парков, таких бескрайних, что кажется, будто город вышел на сельский простор, и в двух шагах от них — нагромождение хижин и лачуг, в которых человеческим существам не хватает даже воздуха, чтобы наполнить свои легкие и выжить.

Надеемся, нашу задачу упростит то, что в Лондоне — этом сомножестве смежных, но неравноценных городов — границы всегда четко обозначены и всегда непреодолимы. Есть столицы, скажем Париж, Вена, Мадрид, Берлин, чья жизнь образует единое целое. В них люди и вещи сплавляются и формируют нечто более или менее гармоничное. В Лондоне ничего похожего! Там общество разделено так же глубоко, как неотъемлемы политические права его членов. И потому надо бы написать не одну книгу, а двадцать, ибо только так можно было бы дать представление о Лондоне и справиться с задачей.

Тем не менее мы попытаемся искренне и немногословно изложить на этих страницах результаты наших изыска-

ний — разных по времени, но объединенных одной и неизменной целью. В самом деле, уже давно нам хотелось набросать картину, возможно, самого любопытного города в мире, города, в котором человеческое общество является в противоположностях, поднимаясь к самым высоким идеалам цивилизации, каких только можно достичь, и опускаясь на дно самой постыдной на свете низости.

И пусть те, кто оказал нам честь доброжелательным отношением к нашим сочинениям другого плана, сохотят принять от нас признательность за помощь и выказать такую же симпатию к нашей новой работе. Их высокая оценка послужит самой лестной наградой автору этих строк.

Если верно, что все дороги ведут в Рим, то не менее верно, что надо знать, через какие ворота входить в город цезарей и пап. Это утверждение справедливо для всех поистине прекрасных городов. В Неаполь лучше всего приплыть с его залива, в Константинополь — через Дарданеллы и Золотой Рог; в Париже в первую очередь надо увидеть Триумфальную арку на площади Звезды, Елисейские Поля и площадь Согласия, ну а Лондон начинается с Темзы.

Нашему веку, который сделал уже немало чудесных открытий и совершил огромный скачок в будущее, захотелось напоследок передать потомкам еще одно творение — более поразительное, гигантское и многообещающее, чем все предыдущие. Вознамерился он вопреки Природе и Провидению, которые разделили Англию и Францию, говоря словами поэта, враждебными волнами

Oceano dissociabili¹,

¹ Океан разъединяющий (разобщающий) (лат.). — Гораций. Оды. I. 3. — Здесь и далее примеч. перев.

соединить их мостом над проливом или подводным тоннелем. Путешествие выигрывает в легкости и удобстве, но теряет в живописности. К царице морей следует приближаться исключительно на корабле, оставив международные вагоны континенту. И пока океан омывает своими непокорными водами три королевства, пока Англия навевает образ пришвартованного к краю Европы парусника, пусть ее берегов достигают только мореплаватели!

Когда в ясную погоду остаются позади Кале или Булонский порт, когда удаляешься от «милого сердцу края», как пела в далеком прошлом прекрасная и очень несчастная королева Мария Стюарт¹, постепенно все четче вырисовываются на горизонте белесые скалы, коим обязана Англия своим прозвищем Альбион². Вскоре появляется высокий силуэт замка Дувр, а за ним — мыс Саут-Форленд. Залив Даунс раскрывает свои объятия, а перед ним тут и там выглядывают из воды отмели — остатки затонувшей земли, которую называют Песками Гудвина. Высокие скалы Рамсгейта и Маргейта стоят как часовые, охраняющие берег. Они, однако, пропускают вас, и вы благополучно огибаете мыс Норт-Форленд и, повернув на запад, попадаете в устье Темзы.

Кругом — справа, слева, позади и впереди — бесчисленные парусники и пароходы держат курс к фарватеру, обозначенному разноцветными бакенами и буями. Миновав остров Шипи и Ширнесс, небольшой порт с бесчисленными арсеналами, вы приближаетесь к *light ship*, то есть к плавучему маяку, который стоит на якоре в самом устье

¹ «Прощай, о милый сердцу край! О Франция, прощай!» — строчка из стихотворения, которое якобы сочинила Мария Стюарт, покидая в 1561 году Францию. На самом деле автором стихотворения, опубликованного в 1765 году, был французский поэт Габриэль де Керлон (1702–1780).

² *Альбион* — белый (лат.).